

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ Д. БЕДНОГО

М. А. БАКИНА

Политическая ясность мировоззрения Д. Бедного, понимание им роли художественных традиций, духовная близость с народом — все это обеспечило его творчеству определенное место в развитии русской советской поэзии. Д. Бедный вошел в историю советской поэзии как мастер агитационно-публицистического и басенного жанра. Опираясь на традиции русской классической и революционно-демократической поэзии XIX в., а также русского фольклора, Д. Бедный выработал свой индивидуальный стиль, который в течение всего его творчества претерпевал определенные изменения. Так, в поэзии Д. Бедного первых послереволюционных лет значительное место занимают лирико-патетические стихотворения, характерными чертами которых были революционно-романтический пафос, гиперболичность, условность и отвлеченность.

Названные особенности поэзии Д. Бедного этих лет нашли свое отражение и в определенном отборе художественно-изобразительных средств, среди которых ведущее место занимают иносказательные перифрастические выражения. Думается, что увлечение Д. Бедного перифрастическими описаниями связано как с данью поэта поэтической традиции, так и с увеличением господствующим в послереволюционной пролетарской поэзии условно-символическим методом описания.

В основе любого перифрастического сочетания, как известно, лежит слово-образ, выбор которого определяется характером мировоззрения поэта, его восприятием окружающего мира, а также всей системой его художественно-эстетических взглядов.

Перифрастические сочетания Д. Бедного по характеру своей образной основы восходят к трем разным источникам: 1) перифрастические сочетания с традиционно-образной основой; 2) перифрастические сочетания с образной основой, типичной для стиля пролетарской поэзии, и 3) перифразы, являющиеся принадлежностью стиля Д. Бедного. Последняя группа перифраз представлена в творчестве Д. Бедного наиболее полно.

1. Обращение Д. Бедного к поэтической традиции совпадает с его обращением к традиционно-поэтическим темам жизни и поэзии. Последняя тема занимает особое место в творчестве Д. Бедного, который в годы революции и гражданской войны активно включился в литературную борьбу. В своих стихотворениях поэт поднимает вопрос о роли поэта и его поэзии в жизни народа, в его борьбе за свое освобождение. Поэтическое кредо Д. Бедного изложено в стихотворении „Мой стих“:

*Пою. Но разве я „пою“?
Мой голос огрубел в бою
И стих мой... блеску нет в его простом наряде...
Я возвышаю голос мой –
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих – мой подвиг ежедневный,
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой...
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я – выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я – „пес сторожевой“!*

В приведенном стихотворении Д. Бедный выступает поэтом-борцом, чей голос „глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный“ „огрубел в бою“. Он не „поет“ (ср. значение глагола „петь“ в поэзии XVIII–начала XIX в.: „заниматься поэтическим творчеством“), а „возвышает голос“ свой. Противопоставляя себя „служителю муз“, а свою поэзию для „родного народа“ – поэзии для избранных, для „чистой публики“, поэт считает себя слугой народа, „выразителем верным“ его „надежд и дум“.

Намеченное в стихотворении, написанном в сентябре 1917 г., противопоставление реалистической поэзии Д. Бедного, обращенной к широкому кругу читателей, и „чистой“ поэзии для избранных (перифрастически это выражено традиционным сочетанием *служитель муз* и авторскими сочетаниями *выразитель верный надежд и дум, пес сторожевой темных углов*) нашло свое развитие в последующих стихотворениях поэта, посвященных теме поэзии, поэтического труда (стихотворения „О соловье“, „Предисловие к поэме А. С. Пушкина „Гавририада“, повесть „Про землю, про волю, про рабочую долю“ и др.). При этом традиционно-поэтические обозначения поэзии употребляются поэтом применительно к другим поэтам и их творчеству и никогда не употребляются применительно к себе и своему творче-

ству. О себе и своем творчестве поэт говорит лишь перифразами, подчеркивающими его причастность к жизни народа, его борьбе. Ср., напр., следующие строки из стихотворения „Вперед и выше!“:

<i>На ниве черный пахарь скромный,</i>	<i>Держася формы четкой, строгой,</i>
<i>Тяну я свой нехитрый гуж.</i>	<i>С народным говором в ладу,</i>
<i>Претит мне стих языколомный,</i>	<i>Иду проторенной дорогой,</i>
<i>Невразумительный к тому ж.</i>	<i>Речь всем доступную веду.</i>

Образные основы перифраз этого стихотворения *нива черная, пахарь скромный* в поэзии традиционно употребляются для символического обозначения жизни (*нива*) и ее творца (*пахарь*). Однако в приведенном случае перифраза *нива черная* означает не жизнь вообще, а лишь жизненное поле деятельности героя — его поэтическое творчество и соответственно перифраза *пахарь черный* — это „поэт“.

Из всего многообразия традиционно-поэтического обозначения поэзии, поэтического труда Д. Бедный использует лишь образы Парнаса, лиры, музы и певца. Так, в основе перифраз *древний Парнас* и *парнасский пустозвон*, встретившихся в стихотворении „О черте“ (1919 г.), лежит традиционное обозначение мира поэтов и поэзии посредством названия горы Парнас (на которой, по поверьям древних греков, живут музы): „Среди поэтов — я полятик, / Среди политиков — поэт. / Пусть ужасается эстет, / И пусть меня подобный критик / В прах разнесет, мне горя нет, / Эстету *древний мил Парнас*, / И на *парнасский пустозвон* / Есть у меня в ответ готовый / Свой поэтический канон“.

Тот же традиционно-поэтический образ лежит в основе иронической перифразы *советский Парнас* (стих. „Стрелка“).

Перифрастические обозначения революции в творчестве Д. Бедного связаны с двумя группами традиционных образов. Первая группа этих образов революцию и революционные события уподобляет стихийным явлениям природы. Подобное символическое обозначение революции, передающее силу и мощь проявления революционных событий, военных действий — давняя поэтическая традиция. Темы „войны“, „битвы“, „боя“ в поэзии издавна обозначались словами-образами *пожар, огонь, буря, гроза, гром, непогода* и т.п. „К образу огня, пламени, режущего пожара, зарева, — отмечает А. Д. Григорьева, — поэты второй половины XVIII — начала XIX в. часто обращались для поэтического наименования войны, мятежа, раздора — общественных явлений большой разрушительной силы, приносящих неисчислимые бедствия“ [Григорьева, 1964, с. 89]. С названными опорными словами-образами в творчестве Д. Бедного встречаются следующие перифразы: „И вот

горит заря пожаром, / Зажглися братские огни“ (стих. „Мы не одна“); „Мы бурю подняли не бурелома ради“ (стих. „Труд и порядок“); „Еще не минула гроза, / И мы пред битвой неизбежной“ (стих. „Товарищу“); „Но не напрасно прогремела / Гроза живая Октября“ (стих. „Сиротская доля“); „Недаром же прошли великие циклоны, / Народный океан, взбурлившие до дна“ (стих. „О соловье“).

Другая группа образов, представленная словами-образами *рассвет*, *день*, восходит к давней поэтической традиции, известной еще в церковнославянской литературе. Образом *мрака*, *тьмы* в поэзии издавна символически обозначали явления, несущие скорбь, печаль и вообще бедствия, а образом света – положительные явления, несущие правильность и справедливость в мир мрака и тьмы. См.: [Адрианова-Перетц, 1947, с. 35–41]. Названные образные основы сочетаний, обозначающих в текстах Д. Бедного революцию, революционные события, обычно контрастно противопоставляются образным основам *мрак*, *тьма*, *ночь* сочетаний, обозначающих дореволюционную Россию. Это противопоставление также в духе поэтической традиции, поскольку издавна в русской поэзии при обращении к рассматриваемой группе образов была известна игра на столкновении контрастных представлений: *тьма* – *свет*, *мрак* – *солнце*, *луч* – *мгла* и т.п. Напр.: „Пусть *мрак* еще *царит* кругом, / Но *близится рассвет*“ („Путеводная звезда“); „Мы шли одни во *мраке* ночи. / Мы шли одни, / Но, веря в близкий *час рассвета*, / В один сомкнувшийся порыв, / Мы ждали братского ответа / На наш призыв“ („Мы не одна“); „Пусть гневом вспыхнут ваши очи / И с лиц сойдет унынья тень, / Тогда скажу я: *нет уж* ночи, / *Восходит день!*“ („Друзьям“); „*Глухая* *ночь* не навсегда, / Не вечны *мрак* и *жуть*: / *Уж предрассветная звезда* / Нам освещает путь“ („Путеводная звезда“).

Одной из наиболее устойчивых традиционно-поэтических форм обозначения жизни является ее уподобление движению по пути, земно- или водному пространству. Перифрастические сочетания с опорными словами *путь*, *дорога* активно используются в русской поэзии XIX в. В творчестве Д. Бедного неоднократно встречаются подобного типа перифразы, имеющие в своей основе образ *жизни-пути* (*дороги*). Напр.: „Молодых творцов, лишь начавших *свой путь*, / Спешу отвлечь от опасной приманки“ („О писательском труде“); „*Души* неясная тревога / И скорбных мыслей смутный рой... / В окраске их *моя дорога* / Мне жуткой кажется порой“ („Печаль“); „И были для него [ума] нужны не дни, а годы, / Чтоб выровнять *мой путь* по маяку Свободы“ („Маяк“).

Своеобразно использует Д. Бедный традиционно-поэтическую перифразу *пить чашу* (чего, какую). На ее основе в его стихотворения „На помощь красным бойцам“ появилась перифраза *горькая чаша*, но *славная чаша* вы-

нала на долю (всем нам), имеющая то же значение, что и традиционная перифраза *пить горькую чашу страданий* – ‘перенести много испытаний, невзгод, несчастий’. Однако расширение границ перифразы новым определением к слову-образу *чаша* – *славная*, данным в противопоставлении к традиционному определению *горькая*, привносит в контекстуальное значение перифразы новые смысловые оттенки, вызванные значением этого слова, – ‘достойный славы’:

*Горькая чаша, но славная чаша
Выпала всем нам на долю.*

*Кровью истекшая родина наша
Бьется за вольную волю.*

Слово-образ *чаша* встречается у Д. Бедного и в другой перифразе – *чаша страданий*:

*Полна страданий чаша наша,
Слились в одно и кровь и пот.*

*Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет.*

(„Полна страданий наша чаша“)

В основе этой перифразы лежат „традиция старой церковной письменности, где образ *чаши* был символом скорби и страданий“ [Григорьева, 1969, с. 221].

Перифрастическое обозначение смерти – явление редкое в творчестве Д. Бедного, еще реже при решении этой темы поэт обращается к поэтической традиции. Нам встретился лишь один пример употребления традиционной перифразы *отойти в вечность* (в значении ‘умереть’):

*На Красной площади, у древних стен Кремля,
Мы – стражи вечные твои, товарищ милый.
Здесь кровью полита земля,
Здесь наши братские могилы.
Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли. Но ты – еще в строю.
Исполненный огня и пролетарской силы,
Так стой же до конца за власть и честь свою,
За наши братские могилы!*

(„Братские могилы“)

Окраска книжности, присущая этому сочетанию, способствует созданию в стихотворении торжественного, стилистически приподнятого тона, который задан подзаголовком к стихотворению „Мемориальная доска“ и поддержан другими лексическими элементами стихотворения, имеющими в языке эмоционально-экспрессивную или стилистическую окраску высоты.

2. В творчестве Д. Бедного первых послереволюционных лет заметно ощущается влияние пролетарской поэзии. Наиболее наглядно оно проявляется в перифрастических сочетаниях, имеющих типичные для пролетарской поэзии слова-образы. Среди них наибольшей частотой употребления выделяется слово-образ *рать*, ставшее в стихотворениях поэта опорным словом ряда перифраз, обозначающих 'рабочий класс', 'прол-тариат'. Как и в пролетарской поэзии, перифразы названного типа призваны подчеркнуть многочисленность и сплоченность рядов революционного пролетариата, его мощь и силу. Из всего многообразия примеров приведем лишь несколько: „*Рать пролетарская* знамена преклонила, / Семейей редееющей друзья стоят вокруг“ („Кровавые долги“); „Знай, *трудовая рать*, знай, русская земля, / Ты выйдешь из борьбы — великой и свободной!“ („Правде“); „Поэты, пахари и плотники, / Мы вас зовем к себе! / Встань *рать* подвижников *суровая*, / Грядущего оплот!“ („Завязь“).

В перифрастике Д. Бедного, как и в перифрастике пролетарских поэтов, значительное место отводится таким эпитетам, как *красный* и *железный*. Однако характер употребления этих эпитетов у названных поэтов во многом различен. Думается, что это различие порождено различием самих поэтических систем названных поэтов, различием их поэтического видения мира, которое у пролетарских поэтов выражено в условно-символическом изображении действительности, а у Д. Бедного — в изображении реалистическом. Наличие в творчестве Д. Бедного перифрастических сочетаний, содержащих определительный компонент *красный*, можно объяснить скорее данью времени, чем влиянием пролетарской поэзии. Известно, что в первые послереволюционные годы прилагательное *красный* широко употреблялось в значении 'относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю, к Красной Армии'. Именно в этом значении употребляется эпитет *красный* в многочисленных перифразах Д. Бедного, содержащих этот компонент: *красный фронт* (стих. „Красный флот“), *красный штаб* (стих. „Жесткий срок“), *красные дозоры* (стих. „Под Самарой“), *красные герои*, *красные бойцы* (стих. „На помощь красным бойцам“), *красные латыши* (стих. „Латышские красные бойцы“), *красные матросы* (стих. „Красный флот“), *красная молодежь* (стих. „Юной гвардии“), *красный сноб* (стих. „О соловье“) и т.д.

Характер употребления Д. Бедным другого постоянного эпитета — *железный* — также имеет свои, во многом отличные от пролетарской поэзии, особенности. Если в пролетарской поэзии названный эпитет употребляется в чисто символическом плане общей эмоциональной оценки называемых явлений и не имеет в составе перифразы своего самостоятельного значения, то в перифразах Д. Бедного этот эпитет (как и его контекстуальный

синоним *стальной*) всегда имеет самостоятельно выраженное значение 'мощный, несокрушимый'. Таковы, напр., перифразы *железная рука* (стих. „Честь красноармейцу!“), *железная пята* (стих. „Господская тень“), *железные пополнения* (стих. „Ленинскому набору“), *стальной фронт* (стих. „Любимому“) и мн. др.

3. Индивидуально-авторские перифрастические выражения Д. Бедного строятся обычно по принципу выделения каких-то основных признаков, свойственных, с точки зрения автора, перифразируемому явлению, поэтому большая часть этих перифраз содержит в себе определенную образно-экспрессивную оценку называемого. Особенно наглядно названная функция проявляется в обозначениях лица. Так, перифрастические обозначения воинов Красной Армии являются одновременно их экспрессивными характеристиками, в которых на первый план выдвигаются такие их свойства, как храбрость, героизм, близость к народу. Таковы, напр., перифразы, употребленные в стихотворении „Честь красноармейцу!“: *всходов новых оборона, гроза всех шаек бело-диких, величайший из великих, герой, принесший гибель змею*.

Совершенно в ином семантическом и образно-экспрессивном ключе создаются Д. Бедным перифрастические обозначения врагов революции. Как правило, опорными словами этих перифраз являются слова, имеющие в языке отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску. Посредством этих слов поэт выражает свое резко отрицательное отношение к врагам советского государства. Перифразы, содержащие слова названного типа, характеризуют белогвардейскую армию как разбойную группу людей, объединившихся для своей преступной деятельности (таковы, напр., перифразы с опорными словами *шайка, орда, свора, сброд*) или как скопление безнравственных элементов (перифразы с опорными словами *гнуся, грязь, хлам, перенгой*).

Перифрастические сочетания в творчестве Д. Бедного встречаются в основном в лирико-патетической поэзии, в пафосных стихотворениях, посвященных героике революционного движения и прославлению подвигов Красной Армии (стихотворениях типа „На помощь красным бойцам“, „Революционный гудок“, „Красный флот“, „Честь красноармейцу“ и др.), где перифрастика становится одним из активных средств выражения грандиозности и величия эпохи массового героизма. В то же время они практически не встречаются в агитационной поэзии, поскольку агитационно-газетная сущность этой поэзии, заключающаяся в быстром реагировании на злободневные явления политической и общественной жизни, исключала всякое обращение к иносказательным и описательным сочетаниям. Нет перифрастических сочетаний и в большинстве сатирических стихотворений поэта, его сатирических баснях. Это и понятно, поскольку сатирическая злободнев-

ность такой поэзии, связанной обычно с каким-либо конкретным явлением общественно-политической жизни страны, требовала лаконичного и ясного изложения.

Многие стихотворения Д. Бедного периода гражданской войны в лингвостилистическом плане представляют собой соединение отвлеченной патетики, выраженной указанными выше перифрастическими сочетаниями, с элементами агитационной поэзии, ярким представителем которой он справедливо считается. Одним из основных признаков агитационной поэзии, как известно, является злободневность ее тематики, приуроченность стихотворения к какому-либо актуальному явлению общественной жизни, по поводу которого оно написано. Напр., поводом для написания стихотворения „На помощь красным бойцам“ была проводимая молодой республикой Советов „Неделя фронта“ (с 21 по 27 января 1920 г.). В подзаголовке стихотворения так и написано: „К неделе фронта“. Однако эта конкретность тематики в стихотворении выражена лишь в заключительном четверостишии, где автор призывает „братьев и сестер“ не только посылать приветствия красным бойцам, но и подкреплять их делом. В основном же это небольшое стихотворение построено на перифразах – их здесь 15.

В том же условно-символическом плане с привлечением целого ряда перифраз построено стихотворение „Мы не одни“, посвященное революционным выступлениям трудящихся в Финляндии, Германии и Австрии в начале 1918 г., и стихотворение „Мир и порядок“, призывающее читателей к мирному труду, к строительству новой жизни и сохранению в стране революционного порядка.

В системе художественно-образительных средств зрелого Д. Бедного роль перифрастических сочетаний как эстетически значимых элементов художественного текста практически сводится на нет. Реалистическая основа поэзии Д. Бедного этого периода, ее конкретность и злободневность определили ее ориентацию на живой разговорно-обиходный язык, что нашло свое выражение в активном использовании поэтом народно-разговорной фразеологии. Активное использование названных языковых единиц позволяет поэту создать в стихотворении атмосферу непринужденной разговорности и максимально приблизить стихотворную речь к живой разговорной.

TRADITIONS AND INNOVATION IN THE WORKS OF D. BEDNY

M. A. BAKINA

Summary

The means of using traditional poetic images by D. Bedny are discussed. The author puts forward the thesis of specific utilization of these images by the poet being closely connected with the themes of his works as well as with the genre orientation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адрианова-Перетц, 1947 – Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля в Древней Руси. – М.–Л., 1947.

Григорьева, 1964 – Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология конца XVIII–начала XIX в. – В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964.

Григорьева, 1969 – Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина.—В кн.: Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.

*Институт русского языка
АН СССР*

Сентябрь, 1983